

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

REGIONAL ECONOMY

УДК 332.15 (470+571)

ББК 65.049 (2Рос)

П 32

Д.А. Пивень,

аспирант кафедры мировой экономики и статистики Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова, г. Ярославль. Тел.: +7 (903) 690-30-25, e-mail: danilapiven@gmail.com

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ МЕРЫ РАЗВИТИЯ И АДАПТАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ АГЛОМЕРАЦИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(Рецензирована)

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 15-32-01043*

Аннотация. В статье исследуются проблемы интеграции локальных территориальных субъектов в экономическое пространство России в форме территориальной агломерации. Определяются институциональные меры и преобразования, происходящие в Российской Федерации, направленные на развитие устойчивых связей между субъектами локального уровня. Раскрыты критерии модернизации пространственной структуры экономики региона; «естественные» и институциональные факторы формирования территориальной агломерации; последствия создания агломераций. Результатом проведенного исследования является предложенная организационная структура агломерации как социально-экономического каркаса субъекта Российской Федерации.

Ключевые слова: территориальная агломерация, интеграция, локальные территориальные субъекты, экономическое пространство, пространственная структура, экономика региона, «естественные» факторы агломерации, институциональные факторы агломерации.

D.A. Piven,

Post-Graduate Student of the Department of World Economy and Statistics of Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl. Ph.: +7 (903) 690-30-25, e-mail: danilapiven@gmail.com

INSTITUTIONAL AND ORGANIZATIONAL DEVELOPMENT MEASURES AND ADAPTATION OF LOCAL AGGLOMERATIONS TO THE ECONOMIC SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 15-32-01043

Abstract. The article deals with economic integration issues in national economic space of Russia. The institutional measures and transformations taking place in the Russian Federation aimed at developing stable relationships between the subjects of the local level are defined. The modernization criteria for the spatial structure of the regional economy; “natural” and institutional factors in the formation of the territorial agglomeration; the effect of the creation of agglomerations are explained. The result of the research is the proposed organizational structure of the agglomeration management as a socio-economic framework of regions of the Russian Federation.

Keywords: territorial agglomeration, integration, local economic agents, economic space, spatial structure, regional economy, “natural” agglomeration factors, institutional agglomeration factors.

Интеграционные процессы, происходящие в локальных территориальных субъектах современной экономики, характеризуются постоянным усложнением форм их социально-экономической организации. В большой степени это связано, во-первых, с крайне дифференцированным характером воздействия экзогенных условий на экономическое поведение и консолидацию отдельных субъектов хозяйственной деятельности при реализации своих функций и, во-вторых, со значительным ростом технологических вызовов и неопределенностей внешней среды.

В складывающихся условиях территориальные агломерации как формирующиеся новые локальные территориальные социально-экономические субъекты выступают как автономные, саморазвивающиеся структуры, выстраивающиеся в не-иерархическую систему социально-экономических акторов, действующую по сетевому принципу [1]. Для самоорганизации агломерации необходимо определенное сочетание условий и факторов внешней среды, а также особые внутренние системные свойства. Среди системных свойств важнейшими являются: открытость для внешних воздействий, способность воспринимать и распознавать внешние сигналы, случайные воздействия и адекватно на них реагировать; внутренняя структурная подвижность, манёвренность субъекта в ответ на изменения; способность к развитию горизонтальных и вертикальных связей [2].

Региональная экономическая интеграция представляет собой процесс развития устойчивых экономических связей и разделения труда хозяйств, который охватывает экономический обмен и сферу производства агломерации. Как и в любом процессе, так и в процессе создания и интеграции агломерации существуют свои «естественные» и институциональные предпосылки и условия для интеграции локальных территориальных субъектов во внешнюю среду: на уровне региона, межрегиональном уровне, уровне страны или в мировое экономическое пространство [1].

Под «естественными» предпосылками или факторами мы понимаем исторически сложившиеся системы отношений как между субъектами внутри агломерации, так и между внешней средой и самой агломерацией. Так, к внешней среде в вертикальной иерархии могут быть отнесены: регионы (субъекты Федерации), муниципальные районы, города, сельские поселения, которые не вошли в состав агломерирующихся субъектов, но которые, в свою очередь, являются потребителями и контрагентами агломерации как воспроизводственной системы. Административные (институциональные) предпосылки – это такие факторы, которые инициируются как правительством самого субъекта, так и национальным правительством. Во многом они определяют процедуры взаимодействия между объектами разных уровней. Эти процедуры являются внешним фоном,

характеризующим структуру связей между объектами и их свойствами.

Как отмечал один из основоположников институциональной теории Д. Норт, «главная роль, которые институты играют в обществе, заключается в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой (хотя и не обязательно эффективной) структуры взаимодействия между людьми» [3]. Одну из главенствующих ролей приобретает институционализация среды, содействующая инновациям и организационным изменениям во всех сферах общественной жизни. Сегодня в экономической теории институциональная среда рассматривается как взаимосвязанная система формальных и неформальных ограничений, формирующая набор альтернатив для экономических агентов. Состояние процессов территориального агломерирования в современной России во многом определяется зрелостью экономических институтов общества.

Теория и практика развития многих социально-экономических систем доказывают, что устойчивого, сбалансированного движения экономики и общества можно добиться путем разумного и действительно оптимального распределения власти между структурными единицами федеративного государства по уровням власти: федеральному, региональному и местному. Поскольку основным финансовым механизмом агломерирования является финансирование, считаем наиболее актуальным вопросом распределение и перераспределение полномочий участников, относящихся к государственному сектору, так как их деятельность и полномочия являются жестко регламентированными, в отличие от деятельности хозяйствующих субъектов экономики.

В экономической теории известны два методологических подхода к определению оптимального размера локального (муниципального) образования [4]. Первый подход

исходит из того, что муниципальная власть должна быть максимально приближена к населению, поэтому численность жителей муниципального образования может быть невелика, а количество муниципальных образований – значительно. Однако недостатком этого подхода является то обстоятельство, что на практике попытка организовать местное самоуправление там, где для эффективного решения вопросов местного значения нет ни кадрового, ни финансового потенциала, приводит к бессилию органов местного самоуправления, их неспособности реагировать на нужды людей. Второй подход, напротив, основан на укрупнении самоуправляемых единиц, обеспечивающих на территории муниципального образования необходимый экономический потенциал, развитую инженерную и социальную инфраструктуру. Необходимость повышения экономической эффективности вызывает стремление к «экономии на масштабе территории». При этом необходимо не допустить «отрыва» местного самоуправления от населения, поскольку чрезмерная централизация выполнения муниципальных функций может также привести к усилению бюрократизации [4].

Зарубежные исследователи отмечают, что существует прямая зависимость между размером муниципальных образований и уровнем их финансово-экономической самостоятельности [5, 6]. В последние годы территориальное укрупнение стало часто представляться как решение многих проблем. Можно выделить целый ряд аргументов в пользу укрупнения территорий, которые используются в зарубежной практике: более крупные муниципальные образования имеют больше возможностей для предоставления более широкой номенклатуры услуг, укрупнение позволяет передать больше услуг на муниципальный уровень власти (то есть осуществить децентрализацию); экономия

на масштабе позволяет снизить расходы (например, на содержание администрации), обеспечить более эффективное предоставление услуг в более крупных территориальных единицах; так как крупные муниципальные образования могут предоставить больше услуг, то деятельность органов власти затрагивает интересы большего количества граждан, которые будут заинтересованы в участии в муниципальной политике (таким образом, укрупнение позволяет повысить уровень местной демократии), для крупных муниципальных образований характерна меньшая дифференциация по доходам, что в дальнейшем снижает необходимость в горизонтальном выравнивании (предоставлении дотаций); крупные муниципальные образования могут быть более эффективными в планировании и стимулировании развития территории; укрупнение позволяет частично справиться с равномерной консолидацией денежных ресурсов, когда, например, муниципальные услуги потребляются гражданами, которые являются резидентами в другом муниципальном образовании и выплачивают налоги на своей территории. Таким образом, консолидация позволяет снизить несовпадение административных границ и границ получения услуг.

В последние десятилетия в Российской Федерации на локальном уровне наблюдается достаточно активный процесс изменения территориальных основ местного самоуправления. В целом, наметившуюся тенденцию территориальных преобразований можно охарактеризовать как укрупнение муниципальных образований. Все это отражает попытки федеральной власти, с одной стороны, найти оптимальный механизм управления, а с другой – обеспечить сбалансированный социально-экономический рост всех уровней Федерации. Концептуальное значение имеет то, что государственные функции, и прежде всего

– функции исполнительной власти (путем осуществления государственного управления), должны осуществляться исходя из реалий состояния объекта властного влияния (гражданского общества, физических и юридических лиц). Состояние объекта влияния, с одной стороны, потребности физических и юридических лиц – с другой, обуславливают появление новых форм, принципов, методов, процедур осуществления государственного управления, особое место среди которых отводится децентрализации, деконцентрации и делегированию полномочий.

Основные сущностные характеристики процессов децентрализации, деконцентрации и делегирования полномочий органов государственного управления в процессах трансформации и интеграции подведомственных экономических систем всесторонне исследованы Н.Г. Плахотнюк [7]. Для настоящего исследования принципиально важно, опираясь на результаты, полученные Н.Г. Плахотнюк, сформулировать именно специфические черты и реперные точки институционального оформления экономических трансформаций:

1. Процесс децентрализации институтов:

– Цель: приближение услуг к населению, развитие демократии и ограничение вмешательства государства в управление социально-экономическими делами.

– Участники: государство в лице Правительства Российской Федерации, которое путем принятия Закона осуществляет перераспределение функций и полномочий; органы государственного управления, которые теряют часть своих полномочий; органы местного самоуправления, которым часть функций и полномочий передаются.

– Функционал: законодательное закрепление функций, полномочий, которые утрачиваются или приобретаются в этом процессе; законодательное закрепление ресурсов,

которыми должны быть обеспечены передаваемые функции, полномочия; законодательное закрепление видов и мер ответственности органов местного самоуправления в случае неисполнения передаваемых функций, полномочий и государства в случае непредставления соответствующих ресурсов; законодательное определение порядка и сроков в этом процессе.

2. Процесс децентрации институтов:

– Цель: усовершенствование реализации функций и полномочий государства, приближение управленческих услуг к населению.

– Участники: органы государственной власти, наделенные правом определения полномочий органов государственного управления; органы государственного управления, которые теряют функции и полномочия; органы государственного управления, которые наделяются соответствующими функциями и полномочиями.

– Функционал: передача полномочий осуществляется от вышестоящих органов исполнительной власти к нижестоящим, т.е. от представителей центральной администрации к ее представителям на местах (вертикальная децентрация) или от одного органа исполнительной власти другому (горизонтальная децентрация); юридическим основанием передачи полномочий служит акт высшего органа государственной власти (правительства, главы государства), в соответствии с которым полномочия передаются от вышестоящих к нижестоящим органам исполнительной власти или распределяются между равными по статусу; органы государственного управления, от которых передаются полномочия, имеют право осуществлять контроль за реализацией этих полномочий; законодательно закрепляются виды и меры ответственности органов местного самоуправления, которым передаются полномочия.

3. Процедура делегирования полномочий по уровням экономико-правового пространства:

– Цель: реализация полномочий тем субъектам власти, которые могут это реализовать наилучшим способом.

– Участники: органы государственного управления и местного самоуправления.

– Функционал: органы власти могут передавать лишь собственные полномочия, не находящиеся в исключительной компетенции данного органа власти. Участники процедуры должны достичь взаимного согласия относительно условий передачи полномочий (сроки, ресурсы, контроль, ответственность, основания, при которых можно в одностороннем порядке отказаться от исполнения переданных полномочий, или требования возвращения переданного полномочия); делегирование полномочий возможно как по горизонтали, так и по вертикали исполнительной власти, а также органам местного самоуправления [7].

Исходя из сказанного, экономическую децентрализацию с точки зрения развития институционального аспекта пространства следует рассматривать, прежде всего, как процедуру передачи функций государственного регулирования, экономическую децентрацию – как рассредоточение функций государственного регулирования в экономическом пространстве, а делегирование – как перераспределение власти в условиях трансформации и интеграции агломерирующихся хозяйствующих структур. Преобразование системы местного самоуправления связывается со стремлением сделать «экономическую систему более открытой, более демократической, более конкретной и в большей степени соответствующей и вызовам времени, и нашему устройству, нашей Конституции, выбору наших граждан» [8]. При этом проблемы с распределением полномочий возникают из-за нескольких объективных

условий: географическое положение управляющего центра; климатические условия; регионы в экономическом плане развиты неравномерно, и это неравенство на местном уровне выравнивается за счет средств федерального бюджета, перечисляемых через бюджеты регионов.

27 мая 2014 г. был принят Федеральный закон от 27.05.2014 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Принятие данного Федерального закона вводит фундаментальное изменение принципов взаимоотношения государственной власти и местного самоуправления в Российской Федерации. Федеральный законодатель разрешает субъектам Российской Федерации перераспределить полномочия между региональными и местными уровнями власти. Такое перераспределение будет осуществляться законами субъекта Российской Федерации. Перераспределение полномочий допускается на срок не менее срока полномочий законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ.

То есть допускается гибкая возможность делегирования полномочий государства как верховного собственника местным организационным структурам самоуправления, представляющим интересы хозяйствующих субъектов, вовлеченных в отношения агломерирования, с соответствующим приданием экономических ресурсов, но по-прежнему, отмечает А. Воронов, отсутствуют механизмы финансового обеспечения сложившихся перераспределяемых, разграниченных и делегированных полномочий [9].

Отметим также, что вводить подобную институциональную

унификацию в сложноорганизованном неоднородном экономическом пространстве России, учитывая огромные различия территорий по экономическому развитию, демографическому потенциалу, географическому положению, национальному составу, совершенно неоправданно. Ни в одном федеративном государстве мира центральное правительство не стремится привести организацию местного самоуправления к единым стандартам, задавая лишь общие принципы работы и предоставляя своим субъектам право самостоятельно определять «муниципальную модель» с учетом местных традиций, социального склада, экономического состояния [10]. Но, несмотря на это, к позитивным ожиданиям можно отнести эффективное использование административного ресурса (государственной и муниципальной бюрократии) в связи с появлением возможности оперативного реагирования на локальном уровне на институциональный запрос от «потребителя».

По нашему мнению, безусловно, в данном механизме можно проследить возможность усиления государственного регулирования развития территориальных агломераций, рассматриваемых как опорный каркас развития экономических систем регионов и страны в целом, так как города в такой модели превращаются из социально-общественных территориальных сообществ в особые гибкие системы экономико-социального характера [11]. Перспектива институционального развития агломерационных процессов в России потребует: усиления государственного контроля и регулирования; заинтересованности властей и всех экономических субъектов в данном процессе; совершенствования коммуникационных связей между резидентами агломерации и федеральной, региональной и местной властью, а также обеспечения экономической ресурсной базы, необходимой для агломерационных процессов.

С учетом всего вышеизложенного, исследование констатирует, что обеспечение сбалансированного развития и оптимизация внутренних процессов агломерационного пространства происходит параллельными траекториями: как «снизу» – со стороны кластеров и муниципальных образований, так и «сверху» – со стороны региональной власти. Между муниципальными районами, входящими в агломерацию, подписываются соглашения о сотрудничестве и кооперации по вопросам, представляющим для них единый социально-экономический интерес. Такое сотрудничество может осуществляться в рамках Координационного Совета агломерирующихся муниципальных образований, в который могут входить руководство представительных и исполнительных органов муниципальных образований для решения стратегических вопросов. Кроме этого, могут быть созданы отраслевые координационные советы, затрагивающие всю инфраструктуру агломерации. Общая схема организационной структуры управления агломерации представлена на рис. 1.

Решения, принятые на межмуниципальном уровне, могут быть закреплены и исполняться на уровне муниципалитетов как нормативно-правовые акты. Учитывая, что муниципальные образования не обладают значительными собственными бюджетными средствами для развития и реализации проектов, то хотя бы на начальном этапе, для эффективного развития агломерации, необходимо участие «сверху» – субъекта Федерации.

Представленная организационная форма вне зависимости от учредителей, в первую очередь, создается как координационный центр, обеспечивающий гармонизацию интересов всех участников процесса, поддержку реализации агломерационных процессов и выполнения социально-экономических стратегических планов на всех этапах агломерации. Создание такого координационного органа подразумевает ряд фундаментальных функций, пренебрегая которыми реализация проекта создания агломерации может быть не выполнена. К ним мы относим:

Создание и мониторинг реализации стратегического плана развития

Рис. 1. Общая организационная схема организационной структуры управления агломерации [12]

и функционирования агломерации. Реализация данной функции подразумевает сбор и согласование интересов всех участников агломерационного процесса (Федерации, области, муниципальных образований, жителей территории и хозяйствующих субъектов территории).

Представительские полномочия от лица всех резидентов агломерации. В большей степени эта функция реализуется представителями государственных органов для получения поддержки из вышестоящего бюджета на реализацию программ развития (например, для развития транспортной инфраструктуры, создания кластеров, технопарков и т.д.).

Основным требованием при создании организационных структур является добровольное вхождение всех агломерирующихся субъектов в ее состав. Отсутствие хотя бы одного из элементов агломерации (представителя региональной власти (губернатора), муниципальной власти или бизнес-сообщества (например, президент торгово-промышленной палаты) и т.д.) может привести к разбалансировке всей системы локального территориального субъекта и отразиться на проводимой политике.

Применение данной организационной модели позволяет облегчить разрешение противоречий и оптимизировать взаимодействие между динамично развивающимися общественными производительными силами и более консервативными производственными отношениями в рамках существующего правового поля и создать легитимный правовой коридор для проведения эффективной политики формирования и развития агломерации и пространственно-экономического развития производственного комплекса территории.

В то же время мы не можем не обратить внимание на негативные стороны предложенной модели, выявленные в ходе исследования, которые необходимо минимизировать

в процессе доработки модели: во-первых, модель недостаточно учитывает российские реалии: существенные регионально-правовые, экономические, естественные (ресурсное обеспечение, природно-климатические различия, плотность населения, удаленность от крупнейших транспортных узлов) различия и внеэкономические особенности регионов (связанные с этнонациональным составом, традициями, культурно-бытовым укладом, конфессиональными предпочтениями населения); во-вторых, не совсем понятным остается вопрос подготовки и согласования учредительных документов в процессе ее создания; в-третьих, на «откуп» учредителей оставлен вопрос кадрового обеспечения координационных органов агломерации; в-четвертых, необходимо разработать «бесперебойный» механизм взаимодействия и работы внутреннего управляющего органа.

С учетом высказанных замечаний, данная теоретическая модель, с нашей точки зрения, может быть предложена формирующимся агломерациям как основа руководства процессом развития и интеграции в экономике.

В целом агломерация как новая локальная (территориальная) форма организации экономического взаимодействия позволяет за счет компактности, гибкости, адаптивности к меняющейся среде и создания условий регенерации городских территорий лучше обеспечить инфраструктуру транспортных коридоров, создание общей коммунальной среды, развитие социально-культурного комплекса, развитие энергетики (электростанции, малая энергетика, сетевая инфраструктура), создание производственно-сервисных точек малого бизнеса, создание и развитие программы жилья в развивающихся территориях, создание условий для социальной мобильности, создание единого рынка (труда, недвижимости, земли).

Таким образом, исследование подтвердило гипотезу о наличии предпосылок и условий для формирования территориальных агломераций локального уровня как новых организационных структур развития российских регионов, такого рода меры отвечают сложившимся реалиям развития и позволят повысить роль локальных субъектов в модернизации и повышении эффективности национальной экономики в целом.

Примечания:

1. Завьялов А. Инновационная адаптация региональной социально-экономической системы: влияние межуровневых взаимодействий // Актуальные вопросы экономических наук. 2011. Выпуск № 21-1. С. 174-178.

2. Никонова А. Самоорганизация в стратегическом управлении сложными системами // Проблемы теории и практики управления. 2012. № 9-10. С. 92 -99.

3. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.

4. Целищева Е.Ф. Тенденции территориальной организации местного самоуправления в российских регионах и за рубежом. URL: <http://municipal.uapa.ru/en/issue/2014/03/02/>.

5. Twaddle S., Sanderson K. & Schulze H. Bay of Plenty: Settlement and agglomeration impacts: Final report. August, 2014. Reference No: 5496. URL: <http://www.rdc.govt.nz/our-city/SmartFutures/Documents/Economic-settlements-and-agglomeration-impacts.pdf>.

6. Kolko Jed (2010) Urbanization, Agglomeration, and Coagglomeration of Service Industries. In: Agglomeration Economics. Ed. Edward L. Glaeser. The University of Chicago Press. Pp. 151-180. URL: <http://www.nber.org/chapters/c7983.pdf>.

7. Плахотнюк Н.Г. Сущность и проблемы осуществления в государственном управлении процедуры децентрализации, деконцентрации и делегирования полномочий // Научно-практический журнал «Вестник Московского университета». 2007. № 1. С. 13-24.

8. Семинар-совещание с председателями законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации (г. Москва, 24 мая 2014 года) // Местное право. 2014. № 3. С. 90-119.

9. Воронов А. Основные тенденции в развитии отношений государственной власти и местного самоуправления // Общенациональный научно-политический журнал «Власть». 2007. № 9. С. 19-24.

10. Тимофеев Н.С. Местное самоуправление на пути к народовластию // Научно-практический журнал «Конституционное и муниципальное право». 2015. № 1. С. 53-56.

11. Сапир Е.В. Геоэкономическая теория (гносеологические корни современной геоэкономической концепции) // Безопасность Евразии. 2003. № 2. (12). С. 437-460.

12. Кузнецов Ю. Методические рекомендации по организационно-правовым системам управления городскими агломерациями. М.: Агентство по социально-экономическому развитию агломераций, 2014. 38 с.

References:

1. Zavyalov A. Innovative adaptation of the regional socio-economic system: the influence of inter-level interactions. Actual issues of economic Sciences. 2011. Issue No. 21-1. Pp. 174 -178.

2. Nikonova A. Self-organization in strategic management of complex systems. Problems of theory and practice of management. 2012. No. 9-10. Pp. 92-99.

3. North D. Institutions, institutional changes and functioning of the economy. M., 1997. 180 p.

4. Tselishcheva E.F. Trends of territorial organization of local self-government in Russian regions and abroad. URL: <http://municipal.uapa.ru/en/issue/2014/03/02/>.

5. Twaddle S., Sanderson K. & Schulze H. Bay of Plenty: Settlement and agglomeration impacts: Final report. August, 2014. Reference No: 5496. URL: <http://www.rdc.govt.nz/our-city/SmartFutures/Documents/Economic-settlements-and-agglomeration-impacts.pdf>.

6. Kolko Jed (2010) Urbanization, Agglomeration, and Coagglomeration of Service Industries. In: Agglomeration Economics. Ed. Edward L. Glaeser. The University of Chicago Press. Pp. 151-180. URL: <http://www.nber.org/chapters/c7983.pdf>.

7. Plahotniuc N.D. The essence and problems of implementation in public administration of the procedure of decentralization, deconcentration and delegation of authority // Scientific and practical journal “Bulletin of Moscow University”. 2007. No. 1. Pp. 13-24.

8. Seminar-meeting with the chairmen of legislative (representative) bodies of state power of the Russian Federation (Moscow, May 24, 2014) // Local law. 2014. No. 3. Pp. 90-119.

9. Voronov A. the Main trends in the development of relations of state power and local self-government // National scientific and political journal “Vlast “. 2007. No. 9. P. 19-24.

10. Timofeev N.S. Local self-government on the way to democracy // Scientific and practical journal “Constitutional and municipal law”. 2015. No. 1. Pp. 53-56.

11. Sapir E.V. geo-Economic theory (epistemological roots of modern geo-economic concept) // Security of Eurasia. 2003. No. 2. (12). Pp. 437-460.

12. Kuznetsov Yu. Methodical recommendations on organizational and legal systems of management of urban agglomerations. M.: Agency for socio-economic development of agglomerations, 2014. 38 p.